

Сельцо Даровое*

Неужели ж и в самом деле
есть какое-то химическое со-
единение человеческого духа с
родной землей, что оторваться
от нее ни за что нельзя.

Ф. Достоевский

Начнем с человека, более полтора столетия назад купившего в двенадцати верстах от Зарайска сельцо Даровое.

Потомок обедневшего дворянского рода Михаил Андреевич Достоевский родился на Украине в семье священника. Учился в Подольской семинарии, устроенной по образцу Киево-Могилянской Академии, правда, с несколько сокращенным курсом предметов. Получил он, прежде всего, не столько богословское, сколько блестящее общее образование: «...семинария на первых порах своей деятельности стала создавать новое русское общество просвещенных людей». Ф. М. Достоевский скажет: «Явился прилив новых сил снизу общества, по нашей терминологии демократических уже сил, — особенно из семинаристов. Прилив этот привнес много живительного и плодотворного... ибо явились люди со способностями и с новыми воззрениями, еще не слыханными по тогдашнему (подразумевается первая четверть XIX века. — Г. Ф.) времени».

* Газета «За новую жизнь». Зарайск, 1981.

Вид г. Зарайска. Начало XIX в.

Служение родине М. Достоевским определяется самовольно. Не посчитавшись с желанием отца, он отказывается от поставления в священники. В годы, когда России нужны военные врачи, он избирает медицину. Расставшись с семьей, он отправляется в Москву, в Медико-Хирургическую Академию, и учится у выдающихся специалистов с европейским образованием.

В 1812-м году студент 4-го класса вместе с небольшой группой врачей участвует в поразительной своим героизмом эвакуации более 20 тысяч раненых из Москвы. Начатая в день вступления в город наполеоновских войск, она будет прозвана «беспримерной в истории чрезвычайных событий». М. Достоевский трудится в госпиталях и лазаретах, он награждается двумя «Похвальными аттестатами». Затем служба военным лекарем и с 1821 года (года рождения его второго сына Федора) определяется младшим ординатором Московской Мариинской больницы для бедных.

Способный врач, блестяще образованный, он лишен возможности продвигаться по службе. В больнице с благословения начальства засилье немцев. Он беден, и в год приобретения Дарового, когда у него шестеро детей, его годовой оклад — 840 рублей (всего лишь вдвое больше оклада А. А. Башмачкина,

героя «Шинели»). Да и официально признано: «оклады служащих не вознаграждают достаточно трудов их и не соответствуют необходимым надобностям каждого в содержании себя и своего семейства».

Не только, чтобы содержать семью, но и для обучения старших детей в лучших частных пансионах, необходимо прирабатывать на визитах. Нужны нечеловеческие усилия, чтобы при изнуряющем труде в больнице еще ездить в именитые и знатные семьи Москвы, где он принят как известный врач. Но гонорары не постоянны, чаще признания: «Такая нужда, какой еще никогда не было».

Приобретение имения не определялось мечтой М. А. Достоевского быть причисленным к «господствующему классу» или желанием стать «душевладельцем», как мы прочтем в популярной биографии писателя. Сырая казенная квартира при больнице становилась тесной, дети проводили лето в больничном саду, у слабогрудой Марии Федоровны Достоевской — первые признаки еще неопознанной чахотки, супругу и отцу на пятом десятке пора подумать о своем доме.

К лету 1831 года М. А. Достоевским сторгованы две небольшие деревеньки — Косая губа и Даровое. Обе в Тульской губернии, первая в Крапивенском уезде, вторая — в Каширском. Обе в одной цене и вместе стоили 58 тысяч ассигнациями. Пока же выплачено из скопленных и занятых 30 тысяч.

Покупкам предшествовал осмотр М. А. Достоевским будущих владений. Непрактичность его вскоре обернулась горем. Земля Дарового суглинистая, худородная — «дурные поля» — признает позже он сам. Из восьми лет владения имением до смерти М. А. Достоевского (1831—1839 гг.), семь лет в центральных губерниях неурожайные. Нетрудно представить, чем ежегодно радовал истощенный суглинок своих владельцев. Да и крестьянские дворы были ветхими — бедное хозяйство.

Но была еще одна особенность сельца Дарового, вынудившая Достоевских не только начать судебное дело с соседом, но отказаться от покупки Косой губы.

При осмотре Дарового М. А. Достоевский как-то упустил или его обманули, что против изб его крестьян, на его земле стоят

шесть дворов деревни Даровая, принадлежащей соседу, майору в отставке П. П. Хотяинцеву. И земля деревни Даровой, рассыпанная лоскутьями по земле Достоевских, прихотливо и нещадно дробит ее.

Личные словесные заявления о выводе дворов и размежевании Хотяинцевым отвергнуты, взбешенный иском Достоевских, он грозит покупкой соседней Черемошни, чтобы держать Достоевских в тисках. Устрашив Достоевских, он заставил прикупить жалкую деревеньку, принадлежавшую его двоюродному брату, и отказаться от покупки Косой губы.

Судебный спор с соседом при жизни М. А. Достоевского к добру не привел, размежевание произойдет лишь через десять лет, после его безвременной кончины в 1839 году. Он так и не узнает, сколькими десятинами земли владеет.

Покупка Черемошни заставляет заложить в марте 1832 года только что купленное сельцо Даровое. 7 апреля пожар истребляет именье.

Получено под залог 8 тысяч, сгорело заложенного на 9 тысяч. Года не прошло — к стоимости Дарового прибавился долг по закладной и цена сгоревшего и восстановленного и, наконец, 18 тысяч ассигнациями за навязанную им Черемошню. На 6 тысяч больше общей стоимости Дарового с Косой губой. Неотвратимо встают долги.

И вот весна 1832 года. К крыльцу левого флигеля Мариинской больницы, где в казенной квартире жила семья младшего ординатора М. А. Достоевского, подали кибитку. Купленная у купцов, ездивших на Нижегородскую ярмарку, была она вместительна, «как дом». Укладывали вещи, впервой едут. Отслужили напутственный молебен, Михаила, Федора, Андрея, Варвару усадили в кибитку с нянькой Аленой Фроловной. Мария Федоровна и Михаил Андреевич, провожавшие семью, сели в коляску. У Рогожской заставы отвязали колокольчик, завторили бубенцы...

Достоевские едут в кибитке тройкой, переправляются на пароме через разлившуюся Оку за двое суток с лишним. Они ехали дорогой, которой в 1812-м М. А. Достоевский сопровождал транспорт раненых (тогда на Оке ждали баржи...).

Дом в деревне Даровое

«Во время поездок (а это первая! — Г. Ф.) ...брат Федор, — пишет А. Достоевский, — бывал в каком-то лихорадочном настроении. Он всегда избирал место сидения на облучке. Не бывало ни одной остановки, хотя бы на минуту, при которой брат не соскочил бы с брички, не обегал бы близь лежащей местности, или не повертелся бы... около лошадей». Проехав Зарайск (когда вдруг с Благовещенской — что ныне Пожарского — площади во всю ширь открылись заречные дали), «мы едва-едва сидели на месте, беспрестанно выглядывая и спрашивая., скоро ли приедем. Наконец, сворачивали с большой дороги (у деревянной часовни. — Г. Ф.) и поехали по проселку».

Усадьба предстала пустырем: «кое-где торчали обгоревшие столбы», «несколько вековых лип около сгоревшего скотного двора тоже обгорели». Пепелище, объятые весенней зеленью, таким впервые увидел Федор Достоевский купленное без малого год назад их сельцо Даровое».

Уцелела лишь постройка, которую должно называть господским домом. Из трех небольших комнаток с глинобитным полом, плетневый, связанный глиной на манер южных построек, крытый соломой.

Вестовщика из сгоревшего Дарового М. А. Достоевский просил передать крестьянам: «Последнюю рубашку свою поделит с ними». Приехав, Мария Федоровна раздала по пятидесяти рублей на двор и к концу лета обстроились. При «плетневой мазанке» поставили господский флигелек, избу для дворни и скотный двор.

Рядом с «плетневой мазанкой» два насыпных кургана с четырьмя столетними липами на каждом, служившие «лучше всяких беседок»... во все лето столовыми, где... обедали и пили чай». Мазанка стояла у края липовой рощи, к северу от нее шел ряд крестьянских домов, составлявших западную сторону «проезжей усадебной улицы». Противоположную же сторону определяли шесть домов деревни Даровая Хотяинцева.

С запада владение Достоевских кончалось липовой рощей, за нею луг, примыкавший к березовому леску «очень густому и с довольно мрачною местностью, изрытою оврагами». Лесок, называвшийся Брыково, особенно полюбится Федору и потому в семье будет прозван «Фединой рощей».

По согласию между супругами хозяйство вела Мария Федоровна, переселявшаяся с детьми по весне в Даровое. М. А. Достоевский наезжал лишь дней на 10-12. Характерны строки его письма жене: «Поверишь ли, что бытность моя у тебя представляется мне как бы во сне; в Москве же встретили меня хлопоты и огорчения...»

Но и даровая «бытность», если и отличалась от московской, несла скрытый драматизм. Он и в бесправии Достоевских, в их тяжбе из-за земли с П. П. Хотяинцевым и в нищавшем хозяйстве, неуклонно ведущем к разорению...

В то первое свое лето в Даровом Федор Достоевский встретился с новым для него миром — крестьянской Россией. И в первом своем романе и в «Дневнике писателя» он дал фрагменты восторженных воспоминаний об этом мире: «Бывало, с самого раннего утра убегу... на сенокос, или к жнецам...». «Крестьяне, — вспоминал брат А. М. Достоевский, — в особенности женщины, нас очень любили и, не стесняясь нисколько, вступали с нами в разговоры... однажды брат Федор, увидев, что... крестьянка пролила... воду... (и) ей нечем было напоить ребенка, не-

медленно побежал версты за две домой и принес воды...» А «нежная, материнская улыбка бедного крепостного мужика, его кресты»... потрясут Федора и писатель постигнет на всю жизнь «каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика»... («Мужик Марей»).

Можно вспомнить о придуманных Федором играх в прочитанное: в «диких», по Ф. Куперу, с участием крестьянских ребят, в Робинзона.

Три года (1832—1834) Федор проводил в Даровом около шести месяцев. С поступлением в пансион (август 1834) он стал бывать в поместье не более двух месяцев. Августом 1836 года закончилась для его (и для его братьев и сестер) «сельская эпоха» — равная приблизительно двадцати двум месяцам. Почти два года его отрочества.

Федор встретился с Даровым в десять лет. При остановке в пути «хоть на минутку» он «обегал... близь лежащую местность». Начиналось с жадного интереса и к самому месту и к его окрестностям. Он как Робинзон осваивал неведомую землю и было ли существенно, что тут кончалась земля Достоевских, а уж та — чужая? Земля обжита, все свое, родное. И каждый уголок несет для него свой неповторимый образ. Хотя на обычный глаз — всего-то просто роща, березовый перелесок, овраг. Да и панорама округи — дали, мягко прочерченные лесами, — лишь пределы, в которых заключена страна его даровского отрочества. Его не интересовала их липовая роща, и несмотря на запрет, на предостережение с напоминанием о змеях и волках, он убегал подалее от усадьбы, чаще всего в свою рощу (на чужой земле), прозванную «Фединой».

Описание ее находим во фрагменте «Бедных людей», исключенном Достоевским из основного текста. «И зачем бывало, бежишь далеко... я с детства любила (о «Фединой роще» рассказывает героиня романа. — Г. Ф.) быть в уединении... Я помню у нас в конце сада была роща, густая, зеленая, тенистая, раскидистая, обросшая тучною опушкой! Эта роща была любимым гуляньем моим... перебежишь лужайку как ветер... и в миг очутишься в

роще... Между кустами чернеют кое-где дикие порубленные пни, тянутся высокие неподвижные сосны, раскидывается березка с трепещущими говорливыми листочками, стоит вековой вяз с сочными, тучными, далеко раскидывающимися ветвями, — трава так гармонически шелестит под ногой, так весело-весело звенят хоры вольных, радостных птичек — что и самой, неведомо от чего, станет так хорошо, так радостно, — но не резво-радостно, а как-то тихо, молчаливо, задумчиво... Осторожно пробираешься в чащу; и как будто кто туда манит, туда, где деревья чаще, гуще, синее, чернее, где кустарник мельчает и мрачнее становится лес, где начинаются овраги, крутые, темные, заросшие лесом..; и чем дальше.., тем тише, темнее, беззвучнее становится. Сделается и жутко, и страшно, кругом тишина мертвая; сердце дрожит от какого-то темного чувства, а идешь все дальше, осторожно, боязливо, тихо..; Резко запечатлелся в памяти моей этот лес, эти прогулки потихоньку...»

И ровно через тридцать лет опубликованный «Мужик Марей» начинается с того же: «Я прошел за гумна (деревни Даровая. — Г. Ф.) и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск (выделено Достоевским. — Г. Ф.) — так назывался у нас густой кустарник...»

Он появился в Даровом с великим, все увеличивающимся богатством, всем тем, чем уже восторженно бредил. Он никогда в Москве не был один. Вспоминая о сибирских годах, Достоевский напишет: «Я бы никак не мог представить себе: что страшного и мучительного в том, что я во все десять лет каторги ни разу, ни одной минуты не буду один?» Потребность уединения необходима была не только в зрелые годы писателя, но и тогда у начала. И Даровое — это прежде всего обретение свободы и уединения.

Он живет литературой: Державин, Жуковский, Пушкин, ставший уже для него кумиром, Шиллер, «Страдания молодого Вертера», Карамзин... Столь восторженно, страстно переживаемое нуждалось в своей среде. Скромное по своим красотам даровское приволье обживалось высокой поэзией, образами великой литературы.

Он напишет в конце жизни: «12-ти лет (1833 год. — Г. Ф.), я в деревне.., прочел всего Вальтера Скотта, и пусть я развил в се-

бе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на другую, тем более, что захватил с собою в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими». Постоянное уединение в Даровом необходимо для определения нравственной природы будущего писателя, духовного его роста.

Вот признание 1861 года: «прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времени Нерона, то рыцарем на турнире (см. «Маленького героя». — Г. Ф.), то Эдуардом Глянденингом из романа «Монастырь» Вальтера Скотта и проч., и проч.». Несомненно, любовь «воображать» себя связана с уединением, а не с городом, особенно с Петербургом — «мертвой грудой камней». И к затерянному в каменных чащобах Петербурга Мечтателю (герою «Белых ночей») приходят образы Карамзина, Вальтера Скотта, Жуковского, событий 12-го года, и память о них связана с памятью о месте, где они впервые предстали перед даровским отроком.

И уже не игра в прочитанное, а потом в воображаемое, а первые попытки создать свое. Когда в мае 1837 года его везли в Петербург, он писал тут же в повозке, при отце и брате, роман из венецианской жизни. Почему же Даровому мы должны отказать в творческих опытах Федора Достоевского? Именно там, в уединении и могли потаенно вызревать и, вероятно, находили выход творческие пробы.

Но вторглось несчастье, ломалась жизнь... умерла тридцати семи лет от чахотки мать. Мог ли он знать, что через два года не станет отца, семья распадется, а Даровое не будет их общим — Достоевских — поместьем.

Смерть жены сломила М. А. Достоевского, и он вынужден, ссылаясь на «припадки... от постигшего удара... особенно зрение, становящееся со дня на день худшим», просить отставки. При хлопотах о пенсии особо отмечалось: «расстроенное здоровье на действительной и полезной для страждущего болезнями человечества службе».

В те же месяцы 1837 года, когда как-то вдруг осознается материальный кризис, дело не просто в бедности («бедность моя, я с нею свыкся, как с воздухом, коим дышу», — однажды признался он), предвидится разорение. Более ценное Даровое заложено и перезаложено, теперь идет в залог Чермошня. А предстояло отцу поставить на ноги и вывести в люди семерых.

Старших — Михаила и Федора он отвозит в Петербург для поступления в Главное инженерное училище (и Федор вновь встретится с Даровым через сорок лет). Варвара, Андрей, Вера продолжают обучаться в пансионах в Москве. А сам М. А. Достоевский с младшими Николаем и Александром переезжает в Даровое.

Тоска по умершей жене велика, он «вслух разговаривал, предполагая, что говорит с покойной... и отвечая себе ее обычными словами», в отчаянии он «стонал, бегал по комнатам («плетневой мазанки». — Г. Ф.), бился головой об стену».

Усилия наладить хозяйство оказались тщетными — еще два года (1837—1838) неурожайные. Он в тревогах за детей и стремится поделиться с ними последним. Еще жива семья, пока жив он. Припадки требовали лечения, но он не всегда мог обратиться к зарайскому лекарю и часто довольствовался лишь помощью фельдшера, болезнь прогрессировала. В своем, ставшем последним, письме 1839 года он писал Федору:

«Снег лежал до мая месяца, кормить скот чем-нибудь надобно было — крыши все обнажены для корму. Но это ничто в сравнении с настоящим бедствием... Жара, ветры ужасные все погубили. Озимые поля черны, как будто и не были сеяны: много нив перепахано и засеяно овсом, но это по-видимому не поможет, ибо от сильной засухи, хотя уже конец мая, но всходов еще не видно. Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом!»

В тени жара доходила до 40 градусов, единственным питанием медленно поднимавшихся хлебов были сильные ночные росы. Земля потрескалась, почва высохла, и «верхний слой вершков пять составлял порошок, совершенно схожий с золою», хлеба росли в «пепловидном порошке, в знойной атмосфере тропиков». Нетрудно увидеть в этом пространстве беды немощного, больного человека, понимающего — это конец.

16-го июня из Каширы доносят Тульскому гражданскому губернатору о скоропостижной смерти 6-го июня в поле от апоплексического удара — мозгового кровоизлияния — помещика М. А. Достоевского. При проведении экскурсий в Даровом, городские экскурсоводы продолжают утверждать версию о насильственной смерти М. А. Достоевского.

Автор вынужден дать краткий рассказ, опровергающий «фольклорную версию» и основанный на новых архивных разысканиях, продолженных после его публикации обзора в «Литературной газете». Сведения автора основаны не на «официальной» точке зрения, как ее принято считать в биографиях Достоевского, а на архивных документах, в отличие от утверждений В. Нечаевой и множества других, убежденных в «историческом баснословии» (определение принадлежит Н. М. Карамзину).

Утром своего последнего дня М. А. Достоевский наблюдал за работой черемошенских крестьян, возивших в поле навоз. Раздраженный нерасторопностью крепостных, он стал кричать на них (его крик, слышанный другими крестьянами, окажется единственной уликой, потребовавшей пристального разбирательства). С болезнью его вспыльчивость обострилась, не последнюю роль играло тут и осознание безысходности. Приступы мучали часто, теперь же случился кризис. Умер он не сразу. Кроме священника, к М. А. Достоевскому спешно из ближайшего Зарайска (12 верст!) привозится врач. Причем, чиновник другой — Рязанской губернии — он не вправе дать официального заключения о смерти. Почему же не ждут уездных властей из Каширы (50 верст)? Ответ видится только один: Достоевскому хотели помочь, спасти — думали случился очередной приступ. Из Зарайска привезли городского врача И. Х. Шенрока (он прославился как специалист и будет признан «замечательным врачом»). Шенрок констатировал смерть от апоплексического удара и распорядился: труп скоропостижно умершего оставить в поле. Врачам предписывалось: «До официального осмотра (...) нужно стараться, чтобы тело, как предмет судебного исследования, оставалось в том же месте и в том же положении, в котором человек умер». С телом Достоевского поступили в строгом соответствии с инструкцией: труп пролежал в поле до прибытия властей.

*Церковь в селе Моногарово, около которой был похоронен
Михаил Андреевич Достоевский, отец писателя*

16-го июня, как уже говорилось, послано донесение губернатору, в котором особо отмечалось: «в насильственной смерти его, г-на Достоевского, сомнения и подозрения никакого не оказалось». Не дожидаясь родных из Москвы (труп сильно разложился), М. А. Достоевского похоронили на погосте Духосошестввенской церкви хотяинцевского Моногарова.

Извещенная о кончине зятя, из Москвы в Даровое забрать внуков Николая и Александру приехала неродная «бабинька» О. Я. Нечаева. После посещения могилы М. А. Достоевского ее зазвали к Хотяинцевым и П. П. Хотяинцев посвятил О. Я. Нечаеву в «тайну» смерти М. А. Достоевского — убийство. Но «воз-

буждать об это дела» как ей, так и кому-либо из ближайших родственников не советовал... Отца детям не воротишь, и «виновное» временное отделение во главе с Н. П. Елагиным «не даст себя изловить»; ...и второе переосвидетельствование трупа (А. М. Достоевский, сообщая хотяинцевские «соображения» со слов старших, да и сам Хотяинцев не знали, что освидетельствование Шенкнехта — врача временного отделения, есть второе после Шенрока. — Г. Ф.) привело бы к тем же лживым результатам», если же допустить, что «дело об убиении отца открылось бы.., то следствием этого было бы окончательное разорение» детей покойного, «так как все почти население... Черемошни (устрашавшее «все почти» в сообщении Хотяинцева. — Г. Ф.) было бы сослано на каторгу».

Итак, П. П. Хотяинцевым, старинным «доброжелателем» Достоевских, рекомендуется «не возбуждать» — «виновное временное отделение» и, прежде всего, главу его — Н. П. Елагина — не уличишь, а наследников разоришь. Тут видятся мотивы особые. 18 марта 1839 года в должность Тульского губернатора вступил А. Е. Аверкиев, и чиновники всех уездов, — и в том числе Каширского — ждали первой ревизии нового правителя губернии. И в свете этого, ради чего стал бы рисковать своей карьерой каширский исправник Н. П. Елагин, скрывая убийство (если бы признал крестьян виновными). А вот ради сведения счетов был смысл оклеветать Елагина, поставив его в весьма щекотливое положение перед ревизией.

К июлю уездные власти губернии извещены о ревизии. 2-го июля Аверкиев едет ревизовать уезды. 6-го П. П. Хотяинцев через подставное лицо (дабы не замарать свей дворянской чести) сообщает в Каширский уездный суд об «убийстве» помещика Достоевского его крестьянами. Теперь суду необходимо вновь подтвердить свое первоначальное заключение о ненасильственной смерти А. М. Достоевского. Казалось бы, исправник должен быть устрашен. Начинается новый круг расследований, осложнившийся многими обстоятельствами. Выясняется в донесении главное: «слухи» об «убийстве» исходят от П. П. Хотяинцева. Что же заставило его нарушить уговор с О. Я. Нечаевой? Пробудившееся вдруг желание восстановить справедливость? Но почему

же сначала совет «не возбуждать», а затем — вопреки совету — донос. Не слишком ли явно раскрывается главное его намерение, отстранить родных покойного, стать независимым в том, что вознамерился сделать. Ждал лишь момента, чтобы лично нанести удар. Пострадают наследники, а что ему до них, или до невинных крестьян, благо они еще не имеют хозяина, опека не определила его. Но почему же подставное лицо, если речь идет о правде? А когда все провалилось, зачем же не вышел на самого губернатора. Знал ведь — клевета — тяжкий вид посягательства против чужой чести (дворянской чести, и за оскорбление крестьянина наказывали).

Причин оклеветать Н. П. Елагина могло быть много: они в дальнем родстве, тут земельные, материальные, да мало ли какие еще. Возможна и такая причина. После смерти М. Ф. Достоевской Каширская дворянская опека назначила опекуном над именем и сиротами их отца — М. А. Достоевского.

С его же кончиной вольна была избрать, например, Н. П. Елагина. Хотяинцев, возможно, и сам был бы не прочь стать опекуном и получать 5 процентов чистого дохода с имени соседа, но судившийся ранее с Достоевскими — права на опеку не имел, но помешать же избранию Елагина ради сведения счетов мог.

Не удалось Хотяинцеву засудить и крестьян соседа и тем окончательно разорить детей человека, отважившегося начать с ним судебный спор о земле. Доследование же Каширским земским судом по делу о кончине М. А. Достоевского, при проверке присылаемых документов тульскими судебными инстанциями, продолжится еще год. Тщательное расследование спасло местных крестьян от Сибири. О. Я. Нечаева привезла в Московский дом именитой родни, в котором жила, «тайну», поведенную ей Хотяинцевым. И только лишь версию Хотяинцева—Нечаевой мог знать А. М. Достоевский, уехавший из Москвы в 1841 году. Эту версию он и передает в своих воспоминаниях, написанных в 1870—1890-х годах. Неосведомленность его поразительна, например, он пишет: «подкупленное временное отделение дело скрыло», тем самым не зная о длившемся почти полтора года следствии и истинной причине долгого доследования.

Старший его брат, Михаил, побывавший в 1841 году в Даровом, знал не одну только версию Хотяинцева, узнал он и о длительном следствии невинности крепостных. Вернувшись в Петербург, он обо всем расскажет Федору. Категорически утверждать, что для Ф. Достоевского существовала лишь одна клеветническая, хотяинцевско-нечаевская версия, нет оснований. Он знал и о долгом следствии, и о невинности крестьян.

Но тогда в 1839-м году известие о скоропостижной смерти отца потрясло Ф. Достоевского. И память об этом потрясении жила всю жизнь. Ему отец адресовал свое последнее письмо, в котором сообщал о неизбежном, близящемся разорении, и он — Федор, первым из старших сыновей узнал о смерти отца в Черемошинском поле, где труп пролежал два дня.

«Прощай, мой милый друг, да благословит тебя господь бог, что желает тебе нежно любящий отец. М. Достоевский», — таковы были последние слова, обращенные к сыну. Приступая к последнему роману «Братья Карамазовы», в июле 1877 года писатель посетил родительское имение, оставившее по его признанию «самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где в с е (разрядка моя. — Г. Ф.) полно для меня самыми дорогими воспоминаниями». Поездка нужна была непосредственно для работы, как и посещение затем Оптиной пустыни.

По словам родных, он «посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминанию, и даже сходил пешком (версты за две от усадьбы) в любимую им в детстве рощу Черемошню...». В той стороне в поле не стало отца. Да, возможно ли, чтобы сын не поклонился в первый (и единственный) раз могиле отца.

Он напишет жене: «...если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чем писать писателю». «Как же после того» — самое важное, Даровских впечатлений в «Братьях Карамазовых» нет. Но как не поклониться родной земле, родной могиле («Неужели ж и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя») перед созданием эпопеи, в которой собирался «высказаться весь».

Дубы у деревни Черемошня

Теперь от шоссе Зарайск—Серебряные Пруды (бывшего Веневского или Астраханского тракта) к Даровому дороги нет. Идешь полем по мокрым комьям суглинка, липнущего к ногам. Оглядываешься на Даровое... И выбравшись на шоссе, где некогда стояла часовня, долго всматриваешься в оправленное в «багрец и золото» пространство с чернеющей древней липовой рощей усадьбы, заслоняющей «Федину рощу» (более ста пятидесяти лет, как «Федина»), во все то, что хранит и, хочется думать, будет хранить память об отроческих годах Федора Достоевского и дорогих ему людях.